

тыми с восточной границы¹². Отношения были далеко не такими радужными, и суждение об однозначной прогерманской ориентации Финляндии абсолютно беспочвенно.

Ситуация стала меняться только после фактического провала берлинских переговоров, где серьезную проблему вызвал финский вопрос. Но при этом все попытки установить контакты между официальными инстанциями Германии и Финляндии предпринимались исключительно по инициативе немцев, хотя вопрос о советизации страны Суоми стоял как никогда остро. В ходе переговоров немцы не смогли навязать финнам ни одного договора, ставившего Финляндию в зависимость от Германии, чем не мог «похвастать» ни один союзник Рейха. Более того, за всю войну находясь, по крайней мере, в экономической зависимости от Рейха, финны не допустили террора в отношении еврейского населения, не сделали ни одного боевого вылета на Ленинград (хотя находились ближе всех) и даже не обстреливали «дорогу жизни». Важно также и то, что финны не провели операцию «Сорока» – не перерезали мурманскую железную дорогу, по которой шли поставки союзников. История не терпит условного наклонения, но, тем не менее, что было бы еще, если бы Красная Армия в период самых тяжелых испытаний оказалась без помощи союзников? Ответ на этот вопрос заставляет о многом задуматься.

Примечательно также и то, как финны «вели борьбу» с партизанами: Маннергейм не стал устанавливать «новый порядок», первым делом он распустил колхозы, и крестьяне (причем как карелы, так и русские), получив материальную заинтересованность (финские военные урожай не отбирали), работали на своих хуторах. Для желающих получить навыки ведения сельского хозяйства «на западный лад» были организованы специальные кружки, а также было открыто множество школ и больниц для всех нуждающихся¹³.

Все эти факты, абсолютно не отраженные в нашей исторической науке, не соответствуют традиционным представлением о пронацистской ориентации правительства Финляндии. Почему наши исследователи по-прежнему необъективно оценивают внешнюю политику Рюти и Маннергейма? Ответ на этот вопрос мог бы потребовать написания еще одной исследовательской работы.

Н.Р. Редькин

БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ 1960-х гг.

Берлинский кризис 1961 г. представляет большой интерес для научных исследований. Хотя он и занимал место в целой системе международных кризисов, вызванных противостоянием сверхдержав в различных регионах планеты, но был не совсем обычным явлением в мировой политике, потому что разрешился весьма нетрадиционным способом. Без подписаний каких-либо договоров и решения проблемы дипломатическими средствами между ГДР и Западным Берлином была воздвигнута стена, которая окончательно закрепила раскол Германии на два немецких государства, начавшийся в 1949 г.

Со временем Берлинская стена превратилась в своеобразный символ «холодной войны» и объект ненависти жителей как ГДР, так и ФРГ. Однако если попытаться выявить причины создания стены, нетрудно убедиться, что она предотвратила намного худший исход – вооруженное столкновение двух сверхдержав.

Стоит отметить, что западная сторона была готова к тому, что Восточная Германия закроет свою границу. Неизвестно, пошел бы Хрущев на этот шаг, если бы он заранее не знал реакцию западных стран и, прежде всего, США на возведение стены. США не были готовы к урегулированию германской проблемы на условиях, предложенных Хрущевым, из-за чего закончилась провалом Венская встреча в июне 1961 г., поэтому можно предположить, что стена была для американского руководства вполне приемлемым, компромисс-

¹²Маннергейм К.Г. Воспоминания Маршала Финляндии. М., 2000. С. 351.

¹³Там же. С. 426.

ным вариантом, негласно разрешающим проблему Западного Берлина без осложнения ее путем военного вмешательства и конфликта между сверхдержавами.

О такой позиции американского руководства свидетельствуют многочисленные факты. Например, 12 июля американский посол Уолтер Даулинг направил в Бонн телеграмму, в которой сообщал, что «поток беженцев может стать настоящим потоком, если только не будут предприняты дополнительные, более жесткие ограничительные меры против поездок из зоны в Восточный Берлин и далее через секторальную границу». В конце телеграммы Даулинг спрашивал о том, что в таком случае будут делать США, ведь их пассивность положит конец американскому влиянию в Германии¹⁴. В ответе, датированном 22 июля, указывалось, что «если ГДР усилит контроль между северной зоной и Западным Берлином, США вряд ли смогут что-либо предпринять». Этот факт явно свидетельствует о нежелании Кеннеди оспаривать права СССР или ГДР перекрывать границу в своей части оккупационной зоны¹⁵.

Сам Кеннеди в разговоре со своими помощниками неоднократно отказывался препятствовать намерению Хрущева перекрывать границу в Западном Берлине. Сразу же после Венской встречи в разговоре со своим помощником О'Доннелом, президент заявил, что не может винить Хрущева за болезненную реакцию на отток рабочей силы из ГДР¹⁶. Более определенно Кеннеди высказался на этот счет в разговоре с другим своим помощником У. Ростоу: «Он (Хрущев Н.С.) будет предпринимать что-то, чтобы остановить поток беженцев. Возможно, это будет стена. И мы не сможем остановить этого. Я могу сохранить сплоченность Атлантического Союза с целью защиты Западного Берлина, но я не могу действовать так, чтобы оставить открытым Восточный Берлин»¹⁷. «Стена намного лучше, чем война, – сказал Кеннеди уже после появления Берлинской стены, – Режим Ульбрихта, по всей вероятности, обладает законным правом закрыть свои границы и никто не может вообразить, что мы должны начать из-за этого войну»¹⁸.

Аналогичной была и позиция западногерманского лидера Конрада Аденауера; когда ему сообщили о закрытии границы, его первыми словами были «Слава Богу!»¹⁹. Таким образом, берлинская проблема была завуалирована, и ее решение было отложено.

До сих пор в историографии ведутся споры о том, предложил ли Хрущев вариант со стеной с самого начала или же восточногерманский лидер «дополнил» хрущевскую идею закрытия границы возведением бетонной стены.

Сергей Хрущев отмечает в своих воспоминаниях: «Об установлении непроницаемой бетонной стены и речи не было. Это чисто немецкое изобретение»²⁰. Сам советский лидер в своих мемуарах обходит вопрос о возведении стены, отмечая, однако, что лично он был разработчиком решения о закрытии границы: «У меня давно возникла мысль установить какой-то контроль, закрыв выходы и лазейки... Ульбрихт, узнав от Первухина о моем плане, просиял и в восторге сказал: «Я полностью за! Вот настоящая помощь!» Мы в нашем руководстве обсудили план действий и единогласно приняли решение проводить его в жизнь как можно быстрее. По согласованию с Ульбрихтом собрали закрытое совещание представителей всех стран, входящих в Варшавский пакт. Присутствовали только секретари ЦК и председатели Советов Министров всех уровней. Был сделан короткий доклад и предложена такая тактика действий: в определенный час будут установлены шлагбаумы и другие пограничные атрибуты, войска подойдут к этой границе, спереди немецкие солдаты, которые начнут устанавливать контроль, а сзади, на каком-то удалении – цепи наших войск»²¹. Как можно заметить, в тексте отсутствует само слово «стена» и речь идет только лишь о «закрытии границы»; таким образом Хрущев снимает с себя всякую ответственность за возведение стены.

¹⁴Бейли Дж. Поле битвы- Берлин. М., 2002. С.425.

¹⁵Там же.

¹⁶Корниенко Г.М. «Холодная война». Свидетельство ее участника. М., 1995. С.70.

¹⁷Там же. С. 70 – 71.

¹⁸Орлов А. Тайная битва сверхдержав. М., 2000. С.419.

¹⁹Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению: Новое прочтение. М., 1993. С.186.

²⁰Хрущев С.Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. М.: Новости, 1994. С.129.

²¹Мемуары Н. С. Хрущева // Вопросы истории. 1993. № 10. С.68 – 69.

На основании этого можно сделать вывод о том, что стена было немецкой инициативой. Широко распространена версия о том, что Ульбрихт буквально шантажировал Хрущева, угрожая полным крахом ГДР в условиях открытой границы. Американская исследовательница Х. Харрисон на основании этой версии выдвинула концепцию отношений сильного и слабого партнеров в системе «холодной войны», где слабый партнер определял общую политику (по образному выражению исследовательницы «tail wagged the dog»)²².

В. Зубок и некоторые другие исследователи полагают, что Хрущев всего лишь давал свое согласие на предложение Ульбрихта, что было вызвано объективными причинами: отказом Запада от компромисса по германскому вопросу, экономическим кризисом в ГДР, вызванным утечкой рабочей силы и боязнью Хрущева «темных сил» за спиной американского президента²³.

Советский лидер рассматривал политическую ситуацию в США как крайне нестабильную и отмечал, что при Даллесе и Эйзенхауэре положение была более предсказуемым в плане того, что до прямого ядерного конфликта дело дойти не могло. Хрущев многократно выражал свою боязнь превращения американского президента в «заложника милитаристской политики», опасавшегося обвинений в трусости и отстранения от власти в случае уступок Советскому Союзу по западноберлинскому вопросу²⁴.

В итоге возведенная в ходе кризиса стена оказалась оптимальным выходом для обеих сторон, поскольку она решала проблему утечки рабочей силы из ГДР через Западный Берлин и исключала возможность открытого вооруженного конфликта между сверхдержавами. Однако реакция на постройку стены на Западе была негативной. Это можно объяснить тем, что в случае положительной реакции, у США бы возникли разногласия с ФРГ, считавшей возведение стены действием, ущемляющим ее международные права.

Однако реальных альтернатив возведению стены в тот момент не было. Запад предлагал различные компромиссные варианты урегулирования германской проблемы. Одним из таких вариантов было восстановление четырехстороннего статуса всего Берлина. Однако в таком случае главная проблема восточногерманского руководства – бегство жителей ГДР на Запад через Западный Берлин – не была бы решена²⁵.

Все вышеозначенные альтернативы предполагали «потерю лица» и демонстрацию «слабости», чего в период «холодной войны» ни одна из держав не могла себе позволить. Ситуация могла вылиться в вооруженное столкновение, но, к счастью, обе стороны нашли в себе силы остановиться и отступить, не уронив престижа своих государств, что непосредственно было связано с наличием у них атомного оружия и возможностью его применения.

А.А. Баклицкий

ИСПАНИЯ НА ГРАНИ ВОЙНЫ (ЛЕТО-ОСЕНЬ 1940 г.)

26 марта 1939 г. в условиях продолжающейся гражданской войны правительство Франко подписало Антикоминтерновский пакт, а четыре дня спустя и договор о дружбе с Германией²⁶. 8 мая 1939 г. Испания вышла из Лиги Наций²⁷. Однако 3 сентября 1939 г. (спустя два дня после немецкого вторжения в Польшу) Испания, опасаясь не только британского флота и французской армии, но и даже экономических санкций великих держав, заявила о своем нейтралитете, которого вначале тщательно придерживалась.

Тем не менее быстрый разгром польской армии на востоке и «странная война» на Западе уменьшили страх испанцев перед союзниками. В июне 1940 г. после военного

²²Harrison H. Ulbricht and the Concrete «Rose»: New Archival Evidence on the Dynamics of Soviet-East German Relations and the Berlin Crisis, 1958 – 1961. Cold War International History Project Working. Paper No. 5 (May 1993). P.15.

²³Zubok V. Khrushchev and the Berlin Crisis (1958 – 1962) [Электрон. ресурс] Адрес доступа: <http://www.ics.si.edu/topics/pubs/ACFB7D.pdf>. P.26. 19.05.2007.

²⁴Ibid. P. 26.

²⁵Филитов А.М. Германский вопрос. С. 18.

²⁶Beaulac Willard L. Franco – Silent ally in World War II. Oxford, 1976. P. 6.

²⁷Ходжес Г.Э. Франко: краткая биография. М., 2003.С.223.